

Идея бессмертия в романе «Преступление и наказание»

IGOR EVLAMPPIEV, *St. Petersburg State University*
 yevlampiev@mail.ru

Received: July 5, 2017.

Accepted: October 1, 2017.

АННОТАЦИЯ

В раннем творчестве Достоевского присутствует представление о «высших личностях», способных господствовать над другими людьми и над судьбой; писатель позаимствовал его из немецкого романтизма. Может показаться, что роман «Преступление и наказание» написан в связи с тем, что Достоевский расстался с этим представлением. Однако в «Дневнике писателя» за 1876 г. есть аналогичное представление о «высших типах», о людях, которые возвышаются над обычными людьми, «живущими животной жизнью», и обладают особым значением в истории. Но теперь Достоевский считает, что настоящие «высшие личности» — это подлинно религиозные личности, правильно понимающие идею бессмертия. В связи с этим можно утверждать, что роман «Преступление и наказание» имеет целью не отрицание теории о существовании «высших личностей», а опровержение ее неправильной интерпретации. Раскольников, главный герой романа, должен понять, что человек становится «высшей личностью» не благодаря власти или богатству, а благодаря принятию подлинной веры, связанной с правильным пониманием идеи бессмертия. Смысл этой идеи в романе выражен, с одной стороны, с помощью истории воскресения Лазаря и, с другой стороны, с помощью суждения Свидригайлова об «иных мирах»; она соответствует концепции реинкарнации, которая присутствует в учениях многих европейских философов (Дж. Бруно, Лейбниц, Кант, Фихте) и предполагает, что человеку предстоит прожить бесконечное число жизней, подобных земной жизни. Достоевский, вероятно, позаимствовал это представление из позднего религиозного учения Фихте, которое было популярно в кружке Н. Станкевича и оказало сильное влияние на взгляды В. Белинского.

Ключевые слова: идея бессмертия, реинкарнация, подлинная религиозность, «Дневник писателя», абсолютное совершенство человека, религиозное учение Фихте.

The Idea of Immortality in the Novel “Crime and Punishment”

ABSTRACT

In Dostoevsky's early work there is a concept of “higher personalities” capable of dominating other people and destiny; the writer borrowed it from German Romanticism. It may seem that the novel “Crime and Punishment” is written in connection with the fact that Dostoevsky parted with this idea. However, in “A Writer's Diary” for 1876 there is a similar conception of the “higher types”, of people who rise above ordinary people, “living animal life”, and have a special meaning in history. But now Dostoevsky believes that the real “higher personalities” are truly religious personalities who correctly understand the idea of immortality. In this regard, it can be argued that the novel “Crime and Punishment” aims not to deny the theory of the existence of “higher personalities”, but to refute its misinterpretation. Raskolnikov, the protagonist of the novel, must understand that a person becomes a “higher personality” not because of power or wealth, but by accepting genuine faith associated with a correct understanding of the idea of immortality. The meaning of this idea in the novel is expressed, on the one hand, with the help of the story of the resurrection of Lazarus and, on the other hand, with the help of Svidrigailov's judgment of “other worlds”; it corresponds to the concept of reincarnation, which is present in the teachings of many European philosophers (J. Bruno, Leibniz, Kant, Fichte), its meaning is that a person will live an infinite number of lives, like life on earth. Dostoevsky probably borrowed this idea from the late religious teachings of Fichte, which was popular in the circle of N. Stankevich and had a strong influence on the views of V. Belinsky.

Keywords: the idea of immortality, reincarnation, the true religiosity, “A Writer's Diary”, the absolute perfection of man, a religious doctrine of Fichte.

1. Романтическая идея «высшей личности» в раннем творчестве Достоевского

Кажется бесспорным, что роман «Преступление и наказание» был написан с целью критики теории о существовании «высших личностей», влияющих на ход истории. Тем не менее рассмотрение всего творчества Достоевского заставляет усомниться в однозначном отношении писателя к указанной теории.

Прежде всего нужно заметить, что мысль о «высших личностях» появилась в творчестве Достоевского задолго до романа «Преступление и наказание», причем в позитивном смысле. Эту идею Достоевский, будучи еще очень молодым человеком, заметил в произведениях немецких романтиков. Первое свидетельство далеко не негативного отношения Достоевского к этой теории дает письмо к брату Михаилу от 9 августа 1938 г., в котором речь идет о новелле Гофмана «Магнетизер»: «Ежели ты читал всего Гофмана, то наверно помнишь характер Альбана. Как он тебе нравится? Ужасно видеть человека, у которого во власти непостижимое, человека, который не знает, что делать ему, играет игрушкой, которая есть — Бог!» (Достоевский, 1985: 51). Главный герой новеллы обладает особыми гипнотическими способностями и использует их для того, чтобы подчинить себе окружающих людей, не щадя их и даже доводя до гибели. Говоря об этом злодее, Достоевский вовсе не осуждает его, хотя это явно имеет в виду сам Гофман. Для Достоевского важнее то, что герой неправильно использовал полученный им дар. Получается, что сама идея возможности господствовать над другими не отрицается писателем, он осуждает только неправильное использование этой способности.

Эта же тема получает художественное развитие в раннем творчестве Достоевского, прежде всего в повести «Хозяйка». Сложная диалектика отношений Мурина и Катерины, героев повести, имеет в центре понятия «сильное сердце» и «слабое сердце», т. е. понятия господства и подчинения (добровольного!). Старик Мурин — самый наглядный в творчестве Достоевского пример человека, обладающего магической силой влияния не только над людьми, но и над самой судьбой. Мурин вызывает у главного героя повести Василия Ордынова глубокую ненависть (порожденную ревностью), но он и притягивает Ордынова, поскольку он хочет обрести ту же загадочную способность; и, вступая в борьбу с Муриным, Ордынов как бы учится у него этой способности. В повести мы не находим однозначного осуждения этого качества, скорее вновь нужно говорить «правильном» и «неправильном» его применении.

Еще более сложное проведение этой темы содержится в повести «Село Степанчиково и его обитатели». Несмотря на свою внешнюю непривлекательность и беспринципность, Фома Опискин тоже оказывается своего рода «высшим человеком», обладающим непонятной способностью подчинять себе окружающих людей. Кажется, что в этом произведении Достоевский ставит художественный и психологический эксперимент: он показывает, что способность властвовать над людьми, управлять ими вовсе не обязательно сопряжено с высокой моральностью, благородством или даже просто высокой образованностью человека; им может обладать самый низменный и несимпатичный человек.

Наконец, еще раз эта тема, перед тем как она станет центром первого большого романа Достоевского, появляется в «Игроке». Правда, здесь она не так заметна,

поскольку признаком «высшего человека» оказывается не его способность властвовать над окружающими людьми, а возможность влиять на судьбу. Но в определенном смысле это еще более загадочное и важное качество, поскольку власть над людьми имеет вполне понятные и закономерные формы, власть же над судьбой может иметь только мистические формы и причины. В «Игроке» Достоевского вновь интересует не столько сам факт влияния на судьбу (для писателя это почти аксиома!), он исследует психологию человека, который открыл в себе эту способность и предстал для себя и для окружающих в качестве «высшего человека». Это объясняет странный финал романа, который очень часто вызывает недоумение у читателей. Сюжет романа выстроен вокруг любви Алексея к Полине, ради своей любви Алексей выигрывает целое состояние на рулетке, демонстрируя свою способность повлиять на судьбу. В этом контексте финал романа выглядит абсолютно немотивированным и непонятным: Алексей почти забывает о Полине и уезжает с Бланш тратить свои внезапно выигранные деньги. В самом конце мы видим его снова играющим на рулетке, проигрывающим все случайно достающиеся деньги и уже не способным преодолеть страсть к игре, превратившуюся для него в порок.

Было бы странным предположить, что Достоевский написал роман, чтобы осудить «игроманию». Нужно до конца понять, что произошло с Алексеем в тот момент, когда он шел на рулетку, абсолютно точно зная, что сейчас выиграет фантастическую сумму денег. Он, действительно, хотя только на мгновение, стал «высшим человеком», и открывшаяся форма бытия оказалась настолько значимой для него, что на ее фоне стали второстепенными, несущественными все прежние устремления, в том числе и любовь к Полине. И он возвращается на рулетку, чтобы попытаться снова испытать это чувство, точнее, чтобы снова перевести себя в состояние «высшего человека», обладающего способностями, выходящими за рамки обыденного существования. И он не обманывает нас, когда говорит, что в любой момент может бросить рулетку, для него рулетка важна только как средство, которое один раз помогло стать «высшим человеком»; если бы он понял, как то же самое состояние можно достичь помимо рулетки, он тут же забыл бы и о ней и о деньгах, которые можно выиграть здесь.

Все эти примеры показывают, что тема «высших личностей», в самых разных ее аспектах, являлась очень важной для Достоевского вплоть до того момента, когда он начал писать «Преступление и наказание». Может быть, писатель, некоторое время находившийся под обаянием романтической идеи «высшей личности», осознал ее порочность, и выразил по отношению к ней свое окончательное и решительное осуждение в романе? Однако, внимательно всматриваясь в позднее творчество Достоевского, мы и там находим идею «высших личностей», причем в еще более резком проведении, чем в раннем творчестве!

2. Понятие «высших типов» в «Дневнике писателя» и его религиозный смысл

В «Дневнике писателя» за 1876 г. Достоевский опубликовал рассказ «Приговор», герой которого во многом напоминает героя романа. Раскольников не желал быть, как все, хотел доказать себе и людям, что он «не тварь дрожащая»; «логический самоубийца» из рассказа в очень похожих выражениях утверждает, что не может и не

хочет жить, как живет подавляющее большинство людей — не хочет жить животной жизнью. «Посмотрите, кто счастлив на свете и какие люди соглашаются жить? Как раз те, которые похожи на животных и ближе подходят под их тип по малому развитию их сознания. Они соглашаются жить охотно, но именно под условием жить как животные, то есть есть, пить, спать, устраивать гнездо и выводить детей» (Достоевский, 1981b: 146–147).

Можно было бы подумать, в духе теории М. Бахтина, что точка зрения героя ничего общего не имеет с убеждениями автора, но в данном случае мы имеем нагляднейший пример обратной ситуации, очевидно опровергающий гипотезу Бахтина. Получив недоуменные письма читателей, не понявших, что за идея выражена в этом рассказе, Достоевский решил более прямо высказать свои мысли. В декабрьском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., он дал детальный комментарий к своему рассказу, и выяснилось, что он полностью разделяет точку зрения своего героя: еще более резко, чем «логический самоубийца», он сформулировал мысль о том, что на фоне подавляющего большинства обычных людей, живущих «как животные», только немногие «высшие личности» («высшие типы») обладают подлинным значением и подлинным влиянием на человечество и его историческую судьбу. «Для него <героя рассказа — И. Е.> становится ясно как солнце, что согласиться жить могут лишь те из людей, которые похожи на низших животных и ближе подходят под их тип по малому развитию своего сознания и по силе развития чисто плотских потребностей. Они соглашаются жить именно как животные, то есть чтобы “есть, пить, спать, устраивать гнездо и выводить детей”. О, жрать, да спать, да гадить, да сидеть на мягком — еще слишком долго будет привлекать человека к земле, но не в высших типах его. Между тем высшие типы ведь царят на земле и всегда царили, и кончалось всегда тем, что за ними шли, когда восполнялся срок, миллионы людей. Что такое высшее слово и высшая мысль? Это слово, эту мысль (без которых не может жить человечество) весьма часто произносят в первый раз люди бедные, незаметные, не имеющие никакого значения и даже весьма часто гонимые, умирающие в гонении и в неизвестности. Но мысль, но произнесенное ими слово не умирают и никогда не исчезают бесследно, никогда не могут исчезнуть, лишь бы только раз были произнесены, — и это даже поразительно в человечестве. В следующем же поколении или через два-три десятка лет мысль гения уже охватывает всё и всех, увлекает всё и всех, — и выходит, что торжествуют не миллионы людей и не материальные силы, по-видимому столь страшные и незбылемые, не деньги, не меч, не могущество, а незаметная вначале мысль, и часто какого-нибудь, по-видимому, ничтожнейшего из людей» (Достоевский, 1982: 47).

Слова о том, что «высшие типы» «царят на земле и всегда царили» и «за ними шли, когда восполнялся срок, миллионы людей», кажутся взятыми прямо из статьи Раскольников, давшей теоретическое оправдание его преступления. Но в этом позднем высказывании Достоевского есть очень существенное отличие от теории Раскольникова: «высшие типы» позднего Достоевского совсем не похожи на Наполеонов и Магометов, на которых ссылается Раскольников, наоборот, это люди слабые, презираемые и гонимые. Их предполагаемое влияние на человечество и историю связано не с силой, властью и богатством, а с мыслями, идеями. Соотнесение рассуждений Достоевского из «Дневника писателя» с идейным контекстом романа явно показывает, что смысл

«Преступления и наказания» заключается вовсе не в опровержении теории «высших личностей», Достоевский безусловно разделяет эту теорию со своим героем. Здесь опровергается та ее поверхностная и ложная интерпретация, которую принял Раскольников.

Конечно, было бы очень странно, если бы свой первый большой роман Достоевский посвятил только опровержению неправильной версии давно разрабатывавшейся им теории. Несомненно, наряду с демонстрацией ложных путей понимания идеи «высших личностей» в романе должен был показан и правильный путь ее интерпретации.

Правильное понимание теории «высших личностей» заключается в признании первостепенного значения идей, а не силы, власти или богатства. Но совершенно очевидно, что здесь еще требуется уточнить смысл указанных идей. Вспомним, что высказывание о «высших типах» в «Дневнике писателя» появляется в контексте обсуждения рассказа «Приговор», который, как прямо утверждает Достоевский, был создан для иллюстрации самой главной идеи человеческого существования — идеи бессмертия. Рассказ был итогом размышлений писателя над эпидемией странных, беспричинных самоубийств молодых людей, из которых Достоевского особенно поразило самоубийство дочери Герцена. Поначалу он считал, что эти самоубийства свидетельствуют о неразвитости молодых людей и о том, что они совершенно не задумываются о своем бессмертии (Достоевский, 1981а: 5–6), но затем он пришел к обратному выводу, увидел в молодых самоубийцах ищущие души, неудовлетворенные той жизнью, которой живет большинство. Главной проблемой их не вполне осознанных исканий Достоевский признал идею бессмертия.

Обычные люди, живущие «как животные», даже не задумываются об этом и, по сути, не знают о своем бессмертии. Герой рассказа задумался над этой проблемой и уже поэтому вознесся над обычными людьми. Однако он не смог принять идею бессмертия, т. е. решил главную проблему жизни отрицательно, а не положительно. Поэтому он не смог выдержать свою новую жизнь, точнее, по-новому осмысленную жизнь, не стал тем «высшим типом», о котором размышляет Достоевский. Тот комментарий, который писатель дает к собственному рассказу не оставляет сомнений в том, что под «высшими типами» он понимает тех, кто задумался, как герой рассказа «Приговор», над высшей проблемой жизни, но преодолел все трагические сомнения и принял во всей полноте и значимости идею бессмертия: «...высшая идея на земле лишь одна и именно — идея о бессмертии души человеческой, ибо все остальные “высшие” идеи жизни, которыми может быть жив человек, лишь из нее одной вытекают» (Достоевский, 1982: 48).

Таким образом, Достоевский, действительно поменял свое отношение к теории «высших личностей», но вовсе не в том смысле, что он сначала принимал ее, а потом отрекся от своих взглядов; сохраняя на всем протяжении своего творчества приверженность этой теории, он от романтической концепции сильной, властной личности перешел к представлению о «высшем человеке» как религиозной личности, причем смысл подразумеваемой здесь религиозности целиком сводится к «высшей идее» нашего существования — к идее бессмертия.

3. Неортодоксальное понимание идеи бессмертия в творчестве Достоевского

Та религиозность, которую имеет в виду Достоевский, конечно, не совпадает с обычной церковной религиозностью, иначе непонятно было бы, почему людей подлинной религиозности очень мало. Веру, которой привержено большинство людей, Достоевский отказывается считать подлинной верой: «Право, у нас теперь иной даже молится и в церковь ходит, а в бессмертие своей души не верит, то есть не то что не верит, а просто об этом совсем никогда не думает» (Достоевский, 1982: 50). Несомненно, писатель говорит именно о тех людях, которых герой его рассказа, а затем и он сам называли людьми, живущими «как животные».

Может показаться, что здесь речь идет не обо всех «обыденно» верующих, однако в более позднем «Дневнике писателя» за 1880 г., в собственном комментарии к опубликованной здесь же Пушкинской речи (направленном против критики А. Градовского), Достоевский продолжает ту же мысль, причем здесь уже прямо говорит о том, что подлинно верующих, т. е. настоящих христиан, в мире чрезвычайно мало: «Да, конечно, господа насмешники, настоящих христиан еще ужасно мало (хотя они и есть). Но почему вы знаете, сколько именно надо их, чтоб не умирал идеал христианства в народе, а с ним и великая надежда его?» (Достоевский, 1984: 164).

При этом Достоевский достаточно ясно объясняет, что он имеет в виду под «настоящим христианством». Он утверждает, что все нравственные идеи, объединяющие людей, «основаны на идее личного абсолютного самосовершенствования впереди, в идеале, ибо оно несет в себе всё, все стремления, все жажды, а, стало быть, из него же исходят и все ваши гражданские идеалы» (Достоевский, 1984: 164). Нравственные идеи требуют религиозного основания и поэтому вызывают к жизни религию, поскольку они исходят «из идей мистических, из убеждений, что человек вечен, что он не простое земное животное, а связан с другими мирами и с вечностью. Эти убеждения формулировались всегда и везде в религию, в исповедание новой идеи, и всегда, как только начиналась новая религия, так тотчас же и создавалась граждански новая национальность» (Достоевский, 1984: 165). Отсюда следует, что идеал «личного абсолютного самосовершенствования» является не только высшей нравственной целью, это является целью подлинной религии, того «настоящего христианства», о котором в этом тексте говорит Достоевский. Оно явно не совпадает с «реальным», историческим христианством, которое никоим образом не допускает возможности абсолютного совершенства земного человека, тем более не может оно считать это делом самого человека, что подразумевается в термине «самосовершенствование», используемом Достоевским.

В рассуждении Достоевского указывается на связь между идеалом абсолютного самосовершенствования и идеей бессмертия. Эта связь не кажется очевидной, особенно если понимать идею бессмертия в традиционном, церковном смысле. Но в данном случае для понимания взглядов писателя необходим не контекст традиционного богословия, а контекст европейской философии, для которой характерно совсем иное представление о бессмертии, чем для церковной религии. В качестве наглядного примера можно взять точку зрения И. Канта. Моральный закон, утверждает Кант, имеет в виду достижение высшего блага, заключающего в себе идеал

совершенства (святости) личности. Но совершенство не достижимо за конечное время, отведенное человеку в эмпирическом мире. «А так как оно тем не менее требуется как практически необходимое, то оно может иметь место только в прогрессе, идущем в бесконечность <...>. Но этот бесконечный прогресс возможен, только если допустить продолжающееся до бесконечности существование и личность разумного существа (такое существование и называют бессмертием души)» (Кант, 1965: 455). Отметим две очень важных черты в таком обосновании бессмертия души: во-первых, оно вообще не требует существования трансцендентного Бога, достаточно морального идеала совершенства, укорененного в глубинах самой человеческой личности, и, во-вторых, бессмертие души понимается как бесконечный прогресс во времени. Церковное понимание бессмертия, как пребывание в вечности (вне времени) и в единстве с Богом, не только не соответствует рассуждению Канта, но противоречит ему, поскольку при наличии такой перспективы посмертного бытия полностью теряет смысл идея постепенного совершенствования земной личности (существующей во времени).

Все сказанное объясняет, почему у многих великих религиозных мыслителей в истории европейской философии мы находим не традиционное церковное представление о бессмертии, а христианский аналог античной идеи метемпсихоза, реинкарнации, «переселения душ». Только бессмертие, понятое как бесконечная последовательность земных жизней, проживаемых в нашем земном мире или в каких-то иных мирах внутри нашей вселенной, соответствует нравственно-религиозному идеалу земного совершенства: достигнуть совершенства человек не может в течении «одной» жизни, но тот, кто принял идею бессмертия в неортодоксальном варианте, может быть уверен, что у него впереди достаточно времени. Такое бессмертие имеет в виду и Кант в приведенном рассуждении.

Варианты такой концепции бессмертия можно найти уже в эпоху Возрождения, например, в учении Николая Кузанского и затем в философии Джордано Бруно (идея «переселения душ» фигурирует в качестве одного из пунктов обвинительного заключения инквизиции по делу Бруно). В новоевропейской философии она очевидно присутствует в трудах Г. Лейбница и ясно выражена в поздних религиозно-философских сочинениях И. Г. Фихте (1998: 14). Позднее учение Фихте оказало большое влияние на русскую философскую мысль, причем проводником этого влияния был кружок Н. Станкевича. Особенно был увлечен идеями Фихте М. Бакунин, который «заразил» фихтеанством В. Белинского. В результате, в одной из ранних философских работ Белинского мы находим точное изложение указанной неортодоксальной концепции бессмертия. «Вселенная вечна, в природе нет смерти, нет уничтожения, но есть видоизменение; метаморфоза есть символ природы. <...> Сознание бесконечно, как вселенная, но оно возможно только под формою пространства и времени, следовательно, конечного сознания, как свободного от всякой формы и исключаящего все, кроме себя, нет и быть не может, а есть прогрессивное и бесконечное приближение к нему, без достижения его. Из этого закона, который есть закон необходимости, выходит, тоже необходимо, закон нашего бессмертия, нашего индивидуального существования за гробом, под новою формою, но с сознанием прежнего сознания, без которого нет индивидуальности. Человек создан для сознания, следовательно, и его жизнь должна состоять в бесперывном развитии этого сознания, а так как сознание бесконечно, то и

жизнь человека должна быть непрерывным и никогда не оканчивающимся переходом из низшего сознания в высшее» (Белинский, 1976: 339).

Можно констатировать, что Достоевский воспринял идею бессмертия именно из указанной философской традиции, а не из церковного христианства. Вполне вероятно, что проводником влияния идей известных западных мыслителей (Кант, Фихте) для него в этом аспекте оказался именно Белинский.

4. Роман «Преступление и наказание» и идея бессмертия

В приведенной выше цитате из «Дневника писателя» за 1880 г. идея бессмертия была выражена как убеждение, «что человек вечен, что он не простое земное животное, а связан с другими мирами и с вечностью». Присутствующие здесь «другие миры» явно намекают на неортодоксальную концепцию бессмертия. Одновременно здесь обнаруживается важная связь с романом «Преступление и наказание», ведь и «иные миры», и «вечность» присутствуют в известных рассуждениях Свидригайлова о будущей жизни в первой его встрече с Раскольниковым. «”Приведения — это, так сказать, клочки и обрывки других миров, их начало. Здоровому человеку, разумеется, их незачем видеть, потому что здоровый человек есть наиболее земной человек, а стало быть, должен жить одною здешнею жизнью, для полноты и для порядка. Ну а чуть заболел, чуть нарушился нормальный земной порядок в организме, тотчас и начинает сказываться возможность другого мира, и чем больше болен, тем и соприкосновений с другим миром больше, так что когда умрет совсем человек, то прямо и перейдет в другой мир”. Я об этом давно рассуждал. Если в будущую жизнь верите, то и этому рассуждению можно поверить» (Достоевский, 1973: 221). И после этого он выражает свое представление о вечности как «бане с пауками», к этому определению мы вернемся ниже. Как мы видим, Свидригайлов абсолютно точно воспроизводит философскую концепцию бессмертия, рассмотренную выше.

Раскольников в ответ на слова Свидригайлова решительно заявляет, что не верит в будущую жизнь. Но немного раньше, во время первой встречи с Порфирием Петровичем он характеризует свои взгляды иначе. Когда Раскольников мимоходом упоминает Новый Иерусалим, Порфирий Петрович резко меняет тему беседы и спрашивает о его вере.

- «— Так вы все-таки верите же в Новый Иерусалим?
- Верую, — твердо ответил Раскольников <...>
- И-и-и в Бога веруете? Извините, что так любопытствую.
- Верую, — повторил Раскольников, поднимая глаза на Порфирия.
- И-и в воскресение Лазаря веруете?
- Ве-верую. Зачем вам все это?
- Буквально веруете?
- Буквально» (Достоевский, 1973: 201).

Поскольку всего через несколько страниц Раскольников решительно говорит Свидригайлову, что не верит в будущую жизнь, мы можем заключить из очевидного противоречия его реакций, что для него бессмертие является важной проблемой, о которой он, несомненно, размышляет, но по отношению к которой не пришел еще к

положительному итогу — совсем как «логический самоубийца» из более позднего рассказа Достоевского.

Решающий сдвиг в его убеждениях происходит в сцене визита к Соне. Вероятно, вспомнив свой не вполне искренний ответ Порфирию Петровичу, Раскольников просит Сою прочитать ему историю воскресения Лазаря из Евангелия от Иоанна. Очень часто значение истории Лазаря применительно к Раскольникову интерпретируют метафорически, как символ ожидающего его морального «воскресения», но это грубо искажает замысел Достоевского, в романе совершенно определенно подчеркивается необходимость для Раскольникова принять историю Лазаря буквально. Это означает не только необходимость принять идею бессмертия, но также необходимость принять ее именно в том неортодоксальном смысле, о котором говорил Свидригайлов. Обратим внимание на то, что история Лазаря, хотя она и содержится в каноническом евангелии, не очень согласуется с ортодоксальной концепцией бессмертия. Согласно последней, после смерти человек уже не вернется в земной несовершенный мир, а будет существовать в райском мире, вне времени. Лазарь же, воскрешенный Иисусом Христом, снова живет в том же несовершенном земном мире, фактически ему после воскресения предстоит прожить новую жизнь, подобную первой земной жизни. Это в гораздо большей степени соответствует представлениям Свидригайлова, чем церковной концепции бессмертия.

Но что же означает ужасный образ вечности, который преследует Свидригайлова? Сразу после того, как он раскрывает свое понимание бессмертия, он добавляет: «Нам вот всё представляется вечность как идея, которую понять нельзя, что-то огромное, огромное! Да почему же непременно огромное? И вдруг, вместо всего этого, представьте себе, будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность. Мне, знаете, в этом роде иногда мерещится» (Достоевский, 1973: 221). Кажется, что такое понимание «вечности» невозможно согласовать ни с одной возможной религиозной концепцией бессмертия.

Но здесь нужно учесть важную особенность той идеи бессмертия, которую имеет в виду Достоевский. В церковном учении посмертная судьба человека никак не зависит от него самого, райское бытие человеку дарует Бог; в противоположность этому неортодоксальная идея бессмертия предполагает, что после смерти человек может обрести и более совершенную жизнь, в сравнении с той, что он прожил на земле, и менее совершенную, более абсурдную, причем только от самого человека зависит, какая из этих противоположных перспектив станет реальностью. Человек, который не делает усилий к собственному совершенству, неизбежно обрекает себя на все большее и большее несовершенство, его «будущая жизнь» будет еще более мрачной, абсурдной, тягостной, чем нынешняя жизнь. Символическое выражение подобной абсурдной и жуткой посмертной перспективы и предстает воображению Свидригайлова в его определении вечности как «бани с пауками».

Наглядную иллюстрацию всех этих идей Достоевский дал в рассказе «Сон смешного человека». Здесь показаны люди, очень далеко продвинувшиеся в процессе самосовершенствования, при этом они до конца осознали смысл своего бессмертия: они знают, что им предстоит прожить множество жизней, подобных земной. Об этом ясно сказано в рассказе. «У них почти совсем не было болезней, хотя и была смерть; но

старики их умирали тихо, как бы засыпая, окруженные прощавшимися с ними людьми, благословляя их, улыбаясь им и сами напутствуемые их светлыми улыбками. <...> Подумать можно было, что они соприкасались еще с умершими своими даже и после их смерти и что земное единение между ними не прерывалось смертию. Они почти не понимали меня, когда я спрашивал их про вечную жизнь, но, видимо, были в ней до того убеждены безотчетно, что это не составляло для них вопроса» (Достоевский, 1983: 114). Здесь выражено то же самое представление о будущей жизни, что и в словах Свиригайлова, ведь речь идет о земном единении между живущими и умершими; если бы умершие попадали в рай, в сферу бытия Бога, — как предполагается в церковной версии идеи бессмертия — такое утверждение было бы невозможно.

Тот факт, что «смешной человек» «развратил» совершенных людей, находит вполне естественное объяснение в рамках религиозной концепции «самоусовершенствования»: именно потому, что совершенство людей достигнуто их собственными усилиями, его можно утратить, если в людях воскреснут подавленные негативные качества их сущности — жестокость, ревность, эгоизм и т. д. Если бы совершенное общество, в которое попал герой рассказа было тем «раем», который предполагается в церковной концепции бессмертия, то его источником был бы Бог и его невозможно было бы «испортить» силами людей. Да и вывод который делает «смешной человек» в конце рассказа свидетельствует о том, что он видел именно совершенство земных людей, а не их «райское», потустороннее состояние: «...я видел истину, я видел и знаю, что люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле» (Достоевский, 1983: 118).

5. Вывод

Размышления о бессмертии пронизывают все творчество Достоевского, но роман «Преступление и наказание» занимает здесь особое место: в нем Достоевский впервые выразил свое убеждение в том, что «высшие личности» — это люди, обладающие подлинной религиозностью, сводящейся к идее бессмертия. Эту идею в романе выражает Свидригайлов, а Раскольников, осознав, что его теория содержит ошибку, вероятно, все-таки становится в финале настоящей «высшей личностью», приняв идею бессмертия в ее неортодоксальной форме.

The research was carried out thanks to funding of Russian Science Foundation (project No. 17-18-01168, St. Petersburg State University).

REFERENCES

- Белинский, В. Г. (1976). Опыт системы нравственной философии. Сочинение Алексея Дроздова. В: *Собрание сочинений в 9 томах*. Т. 1. Москва: Художественная литература.
- Достоевский, Ф. М. (1973). Преступление и наказание. В: *Полное собрание сочинений в 30 томах*. Т. 6. Ленинград: Наука.

- Достоевский, Ф. М. (1981а). Дневник писателя за 1876 г. Январь-апрель. В: *Полное собрание сочинений в 30 томах*. Т. 22. Ленинград: Наука.
- Достоевский, Ф. М. (1981б). Дневник писателя за 1876 г. Май-октябрь. В: *Полное собрание сочинений в 30 томах*. Т. 23. Ленинград: Наука.
- Достоевский, Ф. М. (1982). Дневник писателя за 1876 г. Ноябрь-декабрь. В: *Полное собрание сочинений в 30 томах*. Т. 24. Ленинград: Наука.
- Достоевский, Ф. М. (1983). Дневник писателя за 1877 г. Январь-август. В: *Полное собрание сочинений в 30 томах*. Т. 25. Ленинград: Наука.
- Достоевский, Ф. М. (1984). Дневник писателя за 1877 г. Сентябрь-декабрь; Дневник писателя за 1880 г. В: *Полное собрание сочинений в 30 томах*. Т. 26. Ленинград: Наука.
- Достоевский, Ф. М. (1985). Письма. 1832-1859. В: *Полное собрание сочинений в 30 томах*. Т. 28. Книга 1. Ленинград: Наука.
- Кант, И. (1965). Критика практического разума. В: *Собрание сочинений в 6 томах*. Т. 4(1). Москва: Мысль.
- Фихте, И. Г. (1998). *Наставление к блаженной жизни*. Москва: Канон+.